Джемс У. Воля // Джемс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – С. 313–332, 351–354.

Волевые акты. Желание, хотение, воля суть состояния сознания, хорошо знакомые всякому, но не поддающиеся какому-либо определению. Мы желаем испытывать, иметь, делать всевозможные вещи, которых в данную минуту мы не испытываем, не имеем, не делаем. Если с желанием чего-нибудь у нас связано осознание того, что предмет наших желаний недостижим, то мы просто желаем; если же мы уверены, что цель наших желаний достижима, то мы хотим, чтобы она осуществилась, и она осуществляется или немедленно, или после того, как мы совершим некоторые предварительные действия.

Единственные цели наших хотений, которые мы осуществляем тотчас же, непосредственно, – это движение нашего тела. Какие бы чувствования мы ни желали испытать, к каким бы обладаниям мы ни стремились, мы можем достигнуть их не иначе, как совершив для нашей цели несколько предварительных движений. Этот факт слишком очевиден и потому не нуждается в примерах: поэтому мы можем принять за исходный пункт нашего исследования воли то положение, что единственные непосредственные внешние проявления - телесные движения. Нам предстоит теперь рассмотреть механизм, с помощью которого совершаются волевые движения.

Волевые акты суть произвольные функции нашего организма. Движения, которые мы до сих пор рассматривали, принадлежали к типу автоматических, или рефлекторных, актов, и притом актов, значение которых не предвидится выполняющим их лицом (по крайней мере лицом, выполняющим их первый раз в жизни). Движения, к изучению которых мы теперь приступаем, будучи преднамеренными и составляя заведомо объект желаний, конечно, совершаются с полным осознанием того, каковы они должны быть. Отсюда следует, что волевые движения представляют производную, а не первичную функцию организма. Это - первое положение, которое следует иметь в виду для понимания психологии воли. И рефлекс, и инстинктивное движение, и эмоциональное суть первичные функции. Нервные центры так устроены, что определенные стимулы вызывают в известных частях их разряд, и существо, впервые испытывающее подобный разряд, переживает совершенно новое явление опыта.

Как-то раз я находился на платформе с маленьким сыном в то время, когда к станции с грохотом подъехал курьерский поезд. Мой мальчик, стоявший недалеко от края платформы, при шумном появлении поезда испугался, задрожал, стал прерывисто дышать, побледнел, заплакал, наконец, бросился ко мне и спрятал свое лицо. Я не сомневаюсь, что ребенок был почти столь же удивлен собственным поведением, как и движением поезда, и

во всяком случае более удивлен своим поведением, чем я, стоявший возле него. Разумеется, после того как мы испытаем на себе несколько раз подобную реакцию, мы сами научимся ожидать ее результатов и начнем предвидеть свое поведение в таких случаях, даже если действия остаются при этом столь же непроизвольными, как и прежде. Но если в волевом акте мы должны предвидеть действие, то отсюда следует, что только существо, обладающее даром предвидения, может совершить сразу волевой акт, никогда не сделав рефлекторных или инстинктивных движений.

Но мы не обладаем пророческим даром предвидеть, какие движения мы можем произвести, точно так же, как мы не можем предугадать ощущения, которые нам предстоит испытать. Мы должны ждать появления известных ощущений; точно так же мы должны совершить ряд непроизвольных движений, чтобы выяснить, в чем будут заключаться движения нашего тела. Возможности познаются нами посредством действительного опыта. После того как мы произвели какое-то движение случайным, рефлекторным или инстинктивным путем и оно оставило след в памяти, мы можем пожелать вновь произвести это движение и тогда произведем его преднамеренно. Но невозможно понять, каким образом могли бы мы желать произвести известное движение, никогда перед тем не делая его. Итак, первым условием для возникновения волевых, произвольных движений является предварительное накопление идей, которые остаются в нашей памяти после того, как мы неоднократно произведем соответствующие им движения непроизвольным образом.

Два различных рода идей о движениях. Идеи о движениях бывают двоякого рода: непосредственные и опосредованные. Иначе говоря, в нас может возникать или идея о движении в самих двигающихся частях тела, идея, осознаваемая нами в момент движения, или идея о движении нашего тела, поскольку это движение видимо, слышимо нами или поскольку оно оказывает известное действие (удар, давление, царапанье) на какую-нибудь другую часть тела.

Непосредственные ощущения движения в двигающихся частях называются кинестетическими, воспоминания о них - кинестетическими идеями. При помощи кинестетических идей мы сознаем пассивные движения, которые сообщают члены нашего тела друг другу. Если вы лежите с закрытыми глазами, а кто-то тихонько изменяет положение вашей руки или ноги, то вы осознаете, какое положение придано вашей конечности, и можете затем другой рукой или ногой воспроизвести сделанное движение. Подобным же образом человек, проснувшийся внезапно ночью, лежа в темноте, осознает, в каком положении находится его тело. Так бывает по крайней мере в нормальных случаях. Но когда ощущения пассивных движений и все другие ощущения в членах нашего тела утрачены, то перед на-

ми патологическое явление, описанное Штрюмпеллем на примере мальчика, у которого сохранились только зрительные ощущения в правом глазу и слуховые в левом ухе (in: Deutsches Archiv fur Klin. Medicin, XXII). "Конечностями больного можно было двигать самым энергичным образом, не привлекая его внимания. Только при исключительно сильном ненормальном растяжении сочленений, в особенности колен, у больного возникало неясное тупое чувство напряжения, но и оно редко локализовалось точным образом. Нередко, завязав глаза больного, мы носили его по комнате, клали на стол, придавали его рукам и ногам самые фантастические и, по-видимому, крайне неудобные позы, но пациент ничего этого даже не подозревал. Трудно описать изумление на его лице, когда, сняв с его глаз платок, мы показывали ему ту позу, в которую было приведено его тело. Только когда голова его во время опыта свешивалась вниз, он начинал жаловаться на головокружение, но не мог объяснить его причину.

Впоследствии по звукам, связанным с некоторыми нашими манипуляциями, он иногда начинал догадываться, что мы над ним проделываем что-то особенное... Чувство утомления мышц было совершенно неизвестно ему. Когда мы, завязав ему глаза, попросили поднять вверх руки и держать их в таком положении, он без труда выполнил это. Но через минуту или две его руки начали дрожать и незаметно для него самого опустились, причем он продолжал утверждать, что держит их в том же положении. Находятся ли пальцы его в пассивно-неподвижном состоянии или нет - этого он не мог заметить. Он постоянно воображал, что сжимает и разжимает руку, между тем как на самом деле она была совершенно неподвижна".

Нет оснований предполагать существование какого-либо третьего рода моторных идей. Итак, чтобы совершить произвольное движение, нам нужно вызвать в сознании или непосредственную (кинестетическую), или опосредованную идею, соответствующую предстоящему движению. Некоторые психологи предполагали, что, сверх того, в данном случае нужна идея о степени иннервации, необходимой для сокращения мышц. По их мнению, нервный ток, идущий при разряде из двигательного центра в двигательный нерв, порождает ощущение sui generis (своеобразное), отличающееся от всех других ощущений. Последние связаны с движениями центростремительных токов, между тем как с центробежными токами связано чувство иннервации и ни одно движение не предваряется нами мысленно без того, чтобы это чувство не предшествовало ему. Иннервационное чувство указывает будто бы на степень силы, с какой должно быть произведено данное движение, и на то усилие, при помощи которого его всего удобнее выполнить. Но многие психологи

отвергают существование иннервационного чувства, и, конечно, они правы, так как нельзя привести прочных доводов в пользу его существования.

Различные степени усилия, действительно испытываемые нами, когда мы производим то же движение, но по отношению к предметам, оказывающим неодинаковую силу сопротивления, все обусловлены центростремительными токами, идущими от нашей груди, челюстей, брюшной полости и других частей тела, в которых происходят симпатические сокращения мышц, когда предлагаемое нами усилие велико. При этом нет никакой надобности осознавать степень иннервации центробежного тока. Путем самонаблюдения мы убеждаемся только в том, что в данном случае степень потребного напряжения всецело определяется нами при помощи центростремительных токов, идущих от самих мышц, от их прикреплений, от соседних суставов и от общего напряжения глотки, груди и всего тела. Когда мы представляем себе известную степень напряжения, то этот сложный агрегат ощущений, связанных с центростремительными токами, составляя объект нашего сознания, точным и отчетливым образом указывает нам, с какой именно силой мы должны произвести данное движение и как велико сопротивление, которое нам нужно преодолеть.

Пусть читатель попробует направить свою волю на определенное движение и постарается подметить, в чем состояло это направление. Входило ли в него что-либо, кроме представления тех ощущений, которые он испытает, когда произведет данное движение? Если мы мысленно выделим эти ощущения из области нашего сознания, то останется ли в нашем распоряжении какой-нибудь чувственный знак, прием или руководящее средство, при помощи которых воля могла бы с надлежащей степенью интенсивности иннервировать надлежащие мышцы, не направляя тока беспорядочно в какие попало мышцы? Выделите эти ощущения, предваряющие конечный результат движения, и, вместо того чтобы получить ряд идей о тех направлениях, по которым наша воля может направить ток, вы получите в сознании абсолютную пустоту, оно окажется не заполненным никаким содержанием. Если я хочу написать Петр, а не Павел, то движениям моего пера предшествуют мысли о некоторых ощущениях в пальцах, о некоторых звуках, о некоторых значках на бумаге - и больше ничего. Если я хочу произнести Павел, а не Петр, то произнесению предшествуют мысли о слышимых мною звуках моего голоса и о некоторых мышечных ощущениях в языке, губах и глотке. Все указанные ощущения связаны с центростремительными токами; между мыслью об этих ощущениях, которая сообщает волевому акту возможную определенность и законченность, и самим актом нет места для какого-нибудь третьего рода психических явлений.

В состав волевого акта входит некоторый элемент согласия на то, чтобы акт совершился, - решение "да будет!". И для меня, и для читателя, без сомнения, именно этот элемент и характеризует сущность волевого акта. Ниже мы рассмотрим подробнее, в чем заключается решение "да будет!". В данную минуту мы можем оставить его в стороне, так как оно входит в состав всех волевых актов и потому не указывает на различия, которые можно установить между ними. Никто не станет утверждать, что при движении, например, правой рукой или левой оно качественно различно.

Итак, путем самонаблюдения мы нашли, что предшествующее движению психическое состояние заключается только в предваряющих движение идеях о тех ощущениях, которые оно повлечет за собой, плюс (в некоторых случаях) повеление воли, согласно которому движение и связанные с ним ощущения должны осуществиться; предполагать же существование особых ощущений, связанных с центробежными нервными токами, нет никаких оснований.

Таким образом, все содержание нашего сознания, весь составляющий его материал - ощущения движения, равно как и все другие ощущения, - имеют, по-видимому, периферическое происхождение и проникают в область нашего сознания прежде всего через периферические нервы.

Конечный повод к движению. Назовем конечным поводом к движению ту идею в нашем сознании, которая непосредственно предшествует двигательному разряду. Спрашивается: служат поводами к движению только непосредственные моторные идеи или ими могут быть также и опосредованные моторные идеи? Не может быть сомнения в том, что конечным поводом к движению могут быть равным образом и непосредственные, и опосредованные моторные идеи. Хотя в начале нашего знакомства с известным движением, когда мы еще учимся производить его, непосредственные моторные идеи и выступают на первый план в нашем сознании, но впоследствии это бывает не так.

Вообще говоря, можно считать за правило, что с течением времени непосредственные моторные идеи все более отступают в сознании на задний план и чем более мы научаемся производить какое-то движение, тем чаще конечным поводом к нему являются опосредованные моторные идеи. В области нашего сознания господствующую роль играют наиболее интересующие нас идеи, от всего остального мы норовим отделаться как можно скорее. Но, вообще говоря, непосредственные моторные идеи не представляют никакого существенного интереса. Нас интересуют главным образом те цели, на которые направлено наше движение. Эти цели по большей части суть опосредованные ощущения, связанные с теми впечатлениями, которые данное движение вызывает в глазу, в ухе, иногда на коже, в

носу, в небе. Если мы теперь предположим, что представление одной из таких целей прочно ассоциировалось с соответствующим ей нервным разрядом, то окажется, что мысль о непосредственных действиях иннервации явится элементом, так же задерживающим выполнение волевого акта, как и то чувство иннервации, о котором мы говорим выше. Наше сознание не нуждается в этой мысли, для него достаточно представления конечной цели движения.

Таким образам, идея цели стремится все более и более завладеть областью сознания. Во всяком случае если кинестетические идеи и возникают при этом, то они настолько поглощены живыми кинестетическими ощущениями, которые их немедленно настигают, что мы не осознаем их самостоятельного существования. Когда я пишу, я не осознаю предварительно вида букв и мышечного напряжения в пальцах как чего-то обособленного от ощущений движения моего пера. Прежде чем написать слово, я слышу как бы его звучание в моих ушах, но при этом не возникает никакого соответствующего воспроизведенного зрительного или моторного образа. Происходит это вследствие быстроты, с которой движения следуют за их психическими мотивами. Признав известную цель подлежащей достижению, мы тотчас же иннервируем центр, связанный с первым движением, необходимым для ее осуществления, и затем вся остальная цепь движений совершается как бы рефлекторно (см. с. 47).

Читатель, конечно, согласится, что эти соображения вполне справедливы относительно быстрых и решительных волевых актов. В них только в самом начале действия мы прибегаем к особому решению воли. Человек говорит сам себе: "Надо переодеться" - и тотчас непроизвольно снимает сюртук, пальцы его привычным образом начинают расстегивать пуговицы жилета и т. д.; или, например, мы говорим себе: "Надо спуститься вниз" - и сразу же встаем, идем, беремся за ручку двери и т. д., руководствуясь исключительно идеей цели, связанной с рядом последовательно возникающих ощущений, ведущих прямо к ней.

По-видимому, нужно предположить, что мы, стремясь к известной цели, вносим неточность и неопределенность в наши движения, когда сосредоточиваем внимание на связанных с ними ощущениях. Мы тем лучше можем, например, ходить по бревну, чем меньше обращаем внимание на положение наших ног. Мы более метко кидаем, ловим, стреляем и рубим, когда в нашем сознании преобладают зрительные (опосредованные), а не осязательные и моторные (непосредственные) ощущения. Направьте на цель наши глаза, и рука сама доставит к цели кидаемый вами предмет, сосредоточьте внимание на движениях руки - и вы не попадете в цель. Саутгард нашел, что он мог более точно определять на ощупь кончиком карандаша положение небольшого предмета посредством зрительных,

чем посредством осязательных мотивов к движению. В первом случае он взглядывал на небольшой предмет и, перед тем как дотронуться до него карандашом, закрывал глаза. Во втором он клал предмет на стол с закрытыми глазами и затем, отведя от него руку, старался снова прикоснуться к нему. Средние ошибки (если считать только опыты с наиболее благоприятными результатами) равнялись 17,13 мм во втором случае и только 12,37 мм в первом (при зрении). Выводы эти получены путем самонаблюдения. При помощи какого физиологического механизма совершаются описанные действия, неизвестно.

В XIX главе мы видели, как велико разнообразие в способах воспроизведения у различных индивидов. У лиц, принадлежащих к "тактильному" (согласно выражению французских психологов) типу воспроизведения, кинестетические идеи, вероятно, играют более выдающуюся роль по сравнению с указанной мной. Мы вообще не должны ожидать слишком большого однообразия в этом отношении у различных индивидов и спорить о том, который из них типичный представитель данного психического явлении.

Надеюсь, я выяснил теперь, в чем заключается та моторная идея, которая должна предшествовать движению и обусловливать его произвольный характер. Она не есть мысль об иннервации, необходимой для того, чтобы произвести данное движение. Она есть мысленное предварение чувственных впечатлений (непосредственных или опосредованных - иногда длинным рядом действий), которые явятся результатом данного движения. Это мысленное предварение определяет по крайней мере, каковы они будут. До сих пор я рассуждал, как будто оно определяло также, что данное движение будет сделано. Без сомнения, многие читатели не согласятся с этим, ибо часто в волевых актах, по-видимому, необходимо еще к мысленному предварению движения присоединить особое решение воли, согласие ее на то, чтобы движение было сделано. Это решение воли я до сих пор оставлял в стороне; анализ его составит второй важный пункт нашего исследования.

Идеомоторное действие. Нам предстоит ответить на вопрос, может ли до наступления движения идея о чувственных его результатах сама по себе служить достаточным к нему поводом, или движению должен еще предшествовать некоторый добавочный психический элемент в виде решения, согласия, приказания воли или другого аналогичного состояния сознания? Я даю на это следующий ответ. Иногда такой идеи бывает достаточно, иногда же необходимо вмешательство добавочного психического элемента в виде особого решения или повеления воли, предваряющего движение. В большинстве случаев в простейших актах это решение воли отсутствует. Случаи более сложного характера будут обстоятельно рассмотрены нами позже.

Теперь же обратимся к типичному образчику волевого действия, так называемому идеомоторному действию, в котором мысль о движении вызывает последнее непосредственно, без особого решения воли. Всякий раз, как мы при мысли о движении немедленно, не колеблясь производим его, мы совершаем идеомоторное действие, В этом случае между мыслью о движении и ее осуществлением мы не сознаем ничего промежуточного. Разумеется, в этот промежуток времени происходят различные физиологические процессы в нервах и мышцах, но мы абсолютно не осознаем их. Только что мы успели подумать о действии, как оно уже совершено нами, - вот все, что дает нам здесь самонаблюдение. Карпентер, впервые употребивший (насколько мне известно) выражение "идеомоторное действие", относил его, если я не ошибаюсь, к числу редких психических явлений. На самом же деле это просто нормальный психический процесс, не замаскированный никакими посторонними явлениями. Во время разговора я замечаю булавку на полу или пыль у себя на рукаве. Не прерывая разговора, я поднимаю булавку или стираю пыль. Во мне не возникает никаких решений по поводу этих действий, они совершаются проста под впечатлением известного восприятия и проносящейся в сознании моторной идеи.

Подобным же образом я поступаю, когда, сидя за столом, время от времени протягиваю руку к стоящей передо мной тарелке, беру орех или кисточку винограда и ем. С обедом я уже покончил и в пылу послеобеденной беседы не сознаю того, что делаю, но вид орехов или ягод и мимолетная мысль о возможности взять их, по-видимому, роковым образом вызывают во мне известные действия. В этом случае, конечно, действиям не предшествует никакого особого решения воли, так же как и во всех привычных действиях, которыми полон каждый час нашей жизни и которые вызываются в нас притекающими извне впечатлениями с такой быстротой, что нередко нам трудна бывает решить - отнести ли то или другое подобное действие к числу рефлекторных или произвольных актов. По словам Лотце, мы видим, "когда пишем или играем на рояле, что множество весьма сложных движений быстро сменяют одно другое; каждый из мотивов, вызывающих в нас эти движения, осознается нами не долее секунды; этот промежуток времени слишком мал для того, чтобы вызвать в нас какие-либо волевые акты, кроме общего стремления производить последовательно одно за другим движения, соответствующие тем психическим поводам для них, которые так быстро сменяют друг друга в нашем сознании. Таким путем мы производим все наши ежедневные действия. Когда мы стоим, ходим, разговариваем, нам не требуется никакого особого решения воли для каждого отдельного действия: мы совершаем их, руководствуясь одним только течением наших мыслей" ("Medizinische psychologie").

Во всех этих случаях мы, по-видимому, действуем безостановочно, не колеблясь при отсутствии в нашем сознании противодействующего представления. В нашем сознании или нет ничего, кроме конечного повода к движению, или есть что-нибудь, не препятствующее нашим действиям. Мы знаем, что такое встать с постели в морозное утро в нетопленной комнате: сама натура наша возмущается против такого мучительного испытания. Многие, вероятно, лежат каждое утро целый час в постели, прежде чем заставить себя подняться. Мы думаем лежа, как мы поздно встаем, как от этого пострадают обязанности, которые мы должны выполнить в течение дня; мы говорим себе: "Это черт знает что такое! Должен же я наконец встать!" - и т. д. Но теплая постель слишком привлекает нас, и мы снова оттягиваем наступление неприятного мгновения.

Как же мы все-таки встаем при таких условиях? Если мне позволено судить о других по личному опыту, то я скажу, что по большей части мы поднимаемся в подобных случаях без всякой внутренней борьбы, не прибегая ни к каким решениям воли. Мы вдруг обнаруживаем, что уже поднялись с постели; забыв о тепле и холоде, мы в полудремоте вызываем в своем воображении различные представления, имеющие какое-нибудь отношение к наступающему дню; вдруг среди них мелькнула мысль: "Баста, довольно лежать!" Никакого противодействующего соображения при этом не возникло - и тотчас же мы совершаем соответствующие нашей мысли движения. Живо сознавая противоположность ощущений тепла и холода, мы тем самым вызывали в себе нерешительность, которая парализовала наши действия, и стремление подняться с постели оставалось в нас простым желанием, не переходя в хотение. Как только задерживающая действие идея была устранена, первоначальная идея (о необходимости вставать) тотчас же вызвала соответствующие движения.

Этот случай, мне кажется, заключает в себе в миниатюре все основные элементы психологии хотения. Ведь все учение о воле, развиваемое в настоящем сочинении, в сущности, обосновано мной на обсуждении фактов, почерпнутых из личного самонаблюдения: эти факты убедили меня в истинности моих выводов, и потому иллюстрировать вышеприведенные положения какими-либо другими примерами я считаю излишним. Очевидность моих выводов подрывается, по-видимому, только тем обстоятельством, что многие моторные идеи не сопровождаются соответствующими действиями. Но, как мы увидим ниже, во всех, без исключения, подобных случаях одновременно с данной моторной идеей в сознании имеется какая-нибудь другая идея, которая парализует активность первой. Но даже и тогда, когда действие вследствие задержки не совершается вполне, оно все-таки совершается отчасти. Вот что говорит Лотце по этому поводу: "Следя за играющими на

бильярде или глядя на фехтующих, мы производим руками слабые аналогичные движения; люди маловоспитанные, рассказывая о чем-нибудь, непрерывно жестикулируют; читая с интересом живое описание какого-нибудь сражения, мы чувствуем легкую дрожь во всей мышечной системе, как будто мы присутствовали при описываемых событиях. Чем живее мы начинаем представлять себе движения, тем заметнее начинает обнаруживаться влияние моторных идей на нашу мышечную систему; оно ослабевает по мере того, как сложный комплекс посторонних представлений, заполняя область нашего сознания, вытесняет из него те моторные образы, которые начинали переходить во внешние акты". "Чтение мыслей", так вошедшее в моду в последнее время, есть в сущности отгадывание мыслей по мышечным сокращениям. под влиянием моторных идей мы производим иногда против нашей воли соответствующие мышечные сокращения".

Итак, мы можем считать вполне достоверным следующее положение. Всякое представление движения вызывает в известной степени соответствующее движение, которое всего резче проявляется тогда, когда его не задерживает никакое другое представление, находящееся одновременно с первым в области нашего сознания.

Особое решение воли, ее согласие на то, чтобы движение было произведено, является в том случае, когда необходимо устранить задерживающее влияние этого последнего представления. Но читатель может теперь убедиться, что во всех более простых случаях в этом решении нет никакой надобности. <...>

Движение не есть некоторый особый динамический элемент, который должен быть прибавлен к возникшему в нашем сознании ощущению или мысли. Каждое воспринимаемое нами чувственное впечатление связано с некоторым возбуждением нервной деятельности, за которым неминуемо должно последовать известное движение. Наши ощущения и мысли представляют собой, если так можно выразиться, пункты пересечения нервных токов, конечным результатом которых является движение и которые, едва успев возникнуть в одном нерве, уже перебегают в другой. Ходячее мнение, будто сознание не есть по существу своему предварение действия, но будто последнее должно быть результатом нашей "силы воли", представляет собой естественную характеристику того частного случая, когда мы думаем об известном акте неопределенно долгий промежуток времени, не приводя его и исполнение. Но этот частный случай не есть общая норма; здесь задержание акта противодействующим течением мыслей.

Когда задержка устранена, мы чувствуем внутреннее облегчение - это и есть тот добавочный импульс, то решение воли, благодаря которому и совершается волевой акт. В мышлении высшего порядка подобные процессы совершаются постоянно. Где нет этого

процесса, там обыкновенно мысль и двигательный разряд непрерывно следуют друг за другом, без всякого промежуточного психического акта. Движение есть естественный результат чувственного процесса, независимо от его качественного содержания и при рефлексе, и при внешнем проявлении эмоции, и при волевой деятельности.

Таким образом, идеомоторное действие не исключительное явление, значение которого приходилось бы умалять и для которого надо подыскивать особое объяснение. Оно подходит под общий тип сознательных действий, и мы должны принимать его за исходный пункт для объяснения тех действий, которым предшествует особое решение воли. Замечу, что задержание движения, так же как и выполнение, не требует особого усилия или повеления воли. Но порой и для задержания, и для выполнения действия необходимо особое волевое усилие. В простейших случаях наличие в сознании известной идеи может вызвать движение, наличие другой идеи - задержать его. Выпрямите палец и в то же время старайтесь думать, будто вы сгибаете его. Через минуту вам почудится, будто он чуть-чуть согнулся, хотя в нем и не обнаружилось заметным образом никакого движения, так как мысль о том, что он на самом деле неподвижен, также входила при этом в состав вашего сознания. Выкиньте ее из головы, подумайте только о движении пальца - мгновенно без всякого усилия оно уже сделано вами.

Таким образом, поведение человека во время бодрствования - результат двух противоположных нервных сил. Одни невообразимо слабые нервные токи, пробегая по мозговым клеткам и волокнам, возбуждают двигательные центры; другие столь же слабые токи вмешиваются в деятельность первых: то задерживают, то усиливают их, изменяя их скорость и направление. В конце концов все эти токи рано или поздно должны быть пропущены через известные двигательные центры, и весь вопрос в том, через какие именно: в одном случае они проходят через одни, в другом - через другие двигательные центры, в третьем они так долго уравновешивают друг друга, что постороннему наблюдателю кажется, будто они вовсе не проходят через двигательные центры. Однако нельзя забывать, что с точки зрения физиологии жест, сдвигание бровей, вздох - такие же движения, как и перемещение тела. Перемена в выражении лица короля может производить иногда на подданного такое же потрясающее действие, как смертельный удар; и наружные наши движения, являющиеся результатом нервных токов, которые сопровождают удивительный невесомый поток наших идей, не должны непременна быть резки и порывисты, не должны бросаться в глаза своим грубым характером.

Обдуманные действия. Теперь мы можем приступить к выяснению того, что происходит в нас, когда мы действуем обдуманно или когда перед нашим сознанием имеется не-

сколько объектов в виде противодействующих или равно благоприятных альтернатив. Один из объектов мысли может быть моторной идеей. Сам по себе он вызвал бы движение, но некоторые объекты мысли в данную минуту задерживают его, а другие, наоборот, содействуют его выполнению. В результате получается своеобразное внутреннее чувство беспокойства, называемое нерешительностью. К счастью, оно слишком хорошо знакомо всякому, описать же его совершенно невозможно.

Пока оно продолжается и внимание наше колеблется между несколькими объектами мысли, мы, как говорится, обдумываем: когда, наконец, первоначальное стремление к движению одерживает верх или окончательно подавлено противодействующими элементами мысли, то мы решаемся, принимаем то или другое волевое решение. Объекты мысли, задерживающие окончательное действие или благоприятствующие ему, называются основаниями или мотивами данного решения.

Процесс обдумывания бесконечно осложнен. В каждое его мгновение наше сознание является чрезвычайно непростым комплексом взаимодействующих между собой мотивов. Вся совокупность этого сложного объекта сознается нами несколько смутно, на первый план выступают то одни, то другие его части в зависимости от перемен в направлении нашего внимания и от "ассоциационного потока" наших идей. Но как бы резко ни выступали перед нами господствующие мотивы и как бы ни было близко наступление моторного разряда под их влиянием, смутно сознаваемые объекты мысли, находящиеся на заднем плане и образующие то, что мы назвали выше психическими обертонами, задерживают действие все время, пока длится наша нерешительность. Она может тянуться недели, даже месяцы, по временам овладевая нашим умом.

Мотивы к действию, еще вчера казавшиеся столь яркими, убедительными, сегодня уже представляются бледными, лишенными живости. Но ни сегодня, ни завтра действие не совершается нами. Что-то подсказывает нам, что все это не играет решающей роли; что мотивы, казавшиеся слабыми, усилятся, а мнимосильные потеряют всякое значение; что у нас еще не достигнуто окончательное равновесие между мотивами, что мы в настоящее время должны их взвешивать, не отдавая предпочтения какому-либо из них, и по возможности терпеливо ждать, пока не созреет в уме окончательное решение. Это колебание между двумя возможными в будущем альтернативами напоминает колебание материального тела в пределах его упругости: в теле есть внутреннее напряжение, но нет наружного разрыва. Подобное состояние может продолжаться неопределенное время и в физическом теле, и в нашем сознании. Если действие упругости прекратилось, если плотина прорвана

и нервные токи быстро пронизывают мозговую кору, колебания прекращаются и наступает решение.

Решимость может проявляться различным образом. Я попытаюсь дать сжатую характеристику наиболее типичных видов решимости, но буду описывать душевные явления, почерпнутые только из личного самонаблюдения. Вопрос о том, какая причинность, духовная или материальная, управляет этими явлениями, будет рассмотрен ниже.

Пять главных типов решимости. Первый может быть назван типом разумной решимости. Мы проявляем ее, когда противодействующие мотивы начинают понемногу стушевываться, оставляя место одной альтернативе, которую мы принимаем без всякого усилия и принуждения. До наступления рациональной оценки мы спокойно осознаем, что необходимость действовать в известном направлении еще не стала очевидной, и это удерживает нас от действия. Но в один прекрасный день мы вдруг начинаем осознавать, что мотивы для действия основательны, что никаких дальнейших разъяснений здесь нечего ожидать и что именно теперь пора действовать. В этих случаях переход от сомнения к уверенности переживается совершенно пассивно. Нам кажется, что разумные основания для действия вытекают сами собой из сути дела, совершенно независимо от нашей воли. Впрочем, мы при этом не испытываем никакого чувства принуждения, сознавая себя свободными. Разумное основание, находимое нами для действия, большей частью заключается в том, что мы подыскиваем для настоящего случая подходящий класс случаев, при которых мы уже привыкли действовать не колеблясь, по известному шаблону.

Можно сказать, что обсуждение мотивов по большей части заключается в переборе всех возможных концепций образа действия с целью отыскать такую, под которую можно было бы подвести наш образ действий в данном случае. Сомнения относительно образа действия рассеиваются в ту минуту, когда нам удается отыскать такую концепцию, которая связана с привычными способами действовать. Люди с богатым опытом, которые ежедневно принимают множество решений, постоянно имеют в голове множество рубрик, из которых каждая связана с известными волевыми актами, и каждый новый повод к определенному решению они стараются подвести под хорошо знакомую схему. Если данный случай не подходит ни под один из прежних, если к нему неприложимы старые, рутинные приемы, то мы теряемся и недоумеваем, не зная, как взяться за дело. Как только нам удалось квалифицировать данный случай, решимость снова возвращается к нам.

Таким образом, в деятельности, как и в мышлении, важно подыскать соответствующий данному случаю концепт. Конкретные дилеммы, с которыми нам приходится сталкиваться, не имеют на себе готовых ярлыков с соответствующими названиями, и мы можем на-

зывать их весьма различно. Умный человек - тот, кто умеет подыскать для каждого отдельного случаи наиболее соответствующее название. Мы называем рассудительным такого человека, который, раз наметив себе достойные цели в жизни, не предпринимает ни одного действия без того, чтобы предварительно не определить, благоприятствует оно достижению этих целей или нет.

В следующих двух типах решимости конечное решение воли возникает до появления уверенности в том, что оно разумно. Нередко ни для одного из возможных способов действия нам не удается подыскать разумного основания, дающего ему преимущество перед другими. Все способы кажутся хорошими, и мы лишены возможности выбрать наиболее благоприятный. Колебание и нерешительность утомляют нас, и может наступить момент, когда мы подумаем, что лучше уж принять неудачное решение, чем не принимать никакого. При таких условиях нередко какое-нибудь случайное обстоятельство нарушает равновесие, сообщив одной из перспектив преимущество перед другими, и мы начинаем склоняться в ее сторону, хотя, подвернись нам на глаза в эту минуту иное случайное обстоятельство, и конечный результат был бы иным. Второй тип решимости представляют те случаи, в которых мы как бы преднамеренно подчиняемся произволу судьбы, поддаваясь влиянию внешних случайных обстоятельств и думая: конечный результат будет довольно благоприятный.

В третьем типе решение также является результатом случайности, но случайности, действующей не извне, а в нас самих. Нередко при отсутствии побудительных причин действовать в том или другом направлении мы, желая избежать неприятного чувства смущения и нерешительности, начинаем действовать автоматически, как будто в наших нервах разряды совершались самопроизвольно, побуждая нас выбрать одну из представляющихся нам концепций, После томительного бездействия стремление к движению привлекает нас; мы говорим мысленно: "Вперед! А там будь что будет!" - и живо принимаемся действовать. Это беспечное, веселое проявление энергии, до того непредумышленное, что мы в таких случаях выступаем скорее пассивными зрителями, забавляющимися созерцанием случайно действующих на нас внешних сил, чем лицами, действующими по собственному произволу. Такое мятежное, порывистое проявление энергии редка наблюдается у лиц вялых и хладнокровных. Наоборот, у лиц с сильным, эмоциональным темпераментом и в то же время с нерешительным характером оно быть мажет весьма часто. У мировых гениев (вроде Наполеона, Лютера и т. п.), в которых упорная страсть сочетается с кипучим стремлением к деятельности, в тех случаях, когда колебания и предварительные соображения задерживают свободное проявление страсти, окончательная решимость действо-

вать, вероятно, прорывается именно таким стихийным образом; так струя воды неожиданно прорывает плотину. Что у подобных личностей часто наблюдается именно такой способ действия, служит уже достаточным указанием на их фаталистический образ мыслей, А он сообщает особенную силу начинающемуся в моторных центрах нервному разряду.

Есть еще четвертый тип решимости, который так же неожиданно кладет конец всяким колебаниям, как и третий. К нему относятся случаи, когда под влиянием внешних обстоятельств или какой-то необъяснимой внутренней перемены в образе мыслей мы внезапно из легкомысленного и беззаботного состояния духа переходим в серьезное, сосредоточенное, и значение всей шкалы ценностей наших мотивов и стремлений меняется, когда мы изменяем наше положение по отношению к плоскости горизонта.

Объекты страха и печали действуют особенно отрезвляюще. Проникая в область нашего сознания, они парализуют влияние легкомысленной фантазии и сообщают особенную силу серьезным мотивам. В результате мы покидаем разные пошлые планы на будущее, которыми тешили до сих пор свое воображение, и немедленно проникаемся более серьезными и важными стремлениями, до той поры не привлекавшими нас к себе. К этому типу решимости следует отнести все случаи так называемого нравственного перерождения, пробуждения совести и т. п., благодаря которым происходит духовное обновление многих из нас. В личности вдруг изменяется уровень и сразу появляется решимость действовать в известном направлении.

В пятом, и последнем, типе решимости для нас может казаться наиболее рациональным известный образ действия, но мы можем и не иметь в пользу его разумных оснований. В обоих случаях, намереваясь действовать определенным образом, мы чувствуем, что окончательное совершение действия обусловлено произвольным актом нашей воли; в первом случае мы импульсом нашей воли сообщаем силу разумному мотиву, который сам по себе был бы не в состоянии произвести нервный разряд; в последнем случае мы усилием воли, заменяющим здесь санкцию разума, придаем какому-то мотиву преобладающее значение. Ощущаемое здесь глухое напряжение воли составляет характерную черту пятого типа решимости, отличающую его от остальных четырех.

Мы не будем здесь оценивать значения этого напряжения воли с метафизической точки зрения и не будем обсуждать вопроса, следует ли обособлять указанные напряжения воли от мотивов, которыми мы руководствуемся в действиях. С субъективной и феноменологической точек зрения здесь налицо чувство усилия, которого не было в предшествующих типах решимости. Усилие всегда неприятный акт, связанный с каким-то сознанием нравственного одиночества; так бывает и тогда, когда во имя чистого священного долга мы

сурово отрекаемся от всяких земных благ, и тогда, когда мы твердо решаемся считать одну из альтернатив невозможной для нас, а другую - подлежащей осуществлению, хотя каждая из них равно привлекательна и никакое внешнее обстоятельство не побуждает нас отдать которой-нибудь из них предпочтение. При более внимательном анализе пятого типа решимости оказывается, что он отличается от предыдущих типов: там в момент выбора одной альтернативы мы упускаем или почти упускаем из виду другую, здесь же мы все время не теряем из виду ни одной альтернативы; отвергая одну из них, мы делаем для себя ясным, что именно в эту минуту мы теряем. Мы, так сказать, преднамеренно вонзаем иглу в свое тело, и чувство внутреннего усилия, сопровождающее этот акт, представляет в последнем типе решимости такой своеобразный элемент, который резко отличает его от всех остальных типов и делает его психическим явлением sui generis. В огромном большинстве случаев наша решимость не сопровождается чувством усилия. Я думаю, мы склонны считать это чувство более частым психическим явлением, чем оно есть на самом деле, вследствие того что во время обдумывания мы нередко сознаем, как велико должно быть усилие, если бы мы захотели реализовать известное решение. Позднее, когда действие совершено без всякого усилия, мы вспоминаем о нашем соображении и ошибочно заключаем, что усилие действительно было сделано нами.

Существование такого психического явления, как чувство усилия, ни в коем случае нельзя отвергать или подвергать сомнению. Но в оценке его значения господствуют большие разногласия. С уяснением его значения связано решение таких важных вопросов, как само существование духовной причинности, проблема свободы воли и всеобщего детерминизма. Ввиду этого нам необходимо обследовать особенно тщательно те условия, при которых мы испытываем чувство волевого усилия.

Чувство усилия. Когда я утверждал, что сознание (или связанные с ним нервные процессы) по природе импульсивно, мне следовало бы добавить: при достаточной степени интенсивности. Состояния сознания различаются по способности вызывать движение. Интенсивность некоторых ощущений на практике бывает бессильна вызвать заметные движения, интенсивность других влечет за собой видимые движения. Говоря: "на практике", я хочу сказать: "при обыкновенных условиях". Такими условиями могут быть привычные остановки и деятельности, например приятное чувство dolce Far niente (сладкое чувство ничегонеделания), вызывающее в каждом из нас известную степень лени, которую можно преодолеть только при помощи энергичного усилия воли; таково чувство прирожденной инертности, чувство внутреннего сопротивления, оказываемого нервными центрами, со-

противления, которое делает разряд невозможным, пока действующая сила не достигла определенной степени напряжения и не перешла за ее границу.

Условия эти бывают различны у разных лиц и у того же лица в разное время. Инертность нервных центров может то увеличиваться, то уменьшаться, и, соответственно, привычные задержки действия то возрастать, то ослабевать. Наряду с этим должна изменяться интенсивность каких-то процессов мысли и стимулов, и известные ассоциационные пути становиться то более, то менее проходимыми. Отсюда понятно, почему так изменчива способность вызывать импульс к действию у одних мотивов по сравнению с другими. Когда мотивы, действующие слабее при нормальных условиях, становятся сильнее действующими, а мотивы, сильнее действующие при нормальных условиях, начинают действовать слабее, то действия, совершаемые обыкновенно без усилия, или воздержание от действия, обыкновенно не сопряженное с трудом, становятся невозможными или совершаются только при затрате усилия (если вообще совершаются в подобной ситуации). Это выяснится при более подробном анализе чувства усилия. <...>

Вопрос о свободе воли. Выше мы заметили, что при волевом усилии нам кажется, будто в каждую минуту мы могли бы сделать это усилие большим или меньшим по сравнению со сделанным нами. Другими словами, нам кажется, будто усилие не зависит постоянно от величины сопротивления, которое оказывает известный объект нашей воли; будто по отношению к окружающим обстоятельствам (к мотивам, складу характера и т. д.) оно представляет то, что на математическом языке называется независимой переменной. Если степень усилия представляет независимую переменную в отношении к окружающим условиям, то наша воля, как говорится, свободна. Если же, наоборот, степень усилия есть вполне определенная функция, если мотивы, которые должны влиять вполне точным образом на наше усилие, оказывающее им равное противодействие, если эти мотивы были предопределены от вечности, то воля наша несвободна и все наши действия обусловлены предшествующими действиями. Таким образом, вопрос о свободе воли чрезвычайно прост: все дело сводится к определению степени усилия внимания, которым мы можем располагать в данную минуту. Находятся ли продолжительность и интенсивность усилия в постоянной зависимости от окружающих условий или нет?

Нам кажется, как я заметил выше, будто в каждом отдельном случае мы можем по произволу проявить большую или меньшую степень усилия. Если человек в течение дней и даже недель предоставлял полную свободу течению своих мыслей и вдруг завершил его каким-нибудь особенно подлым, грязным или жестоким поступком, то после, в минуту раскаяния, трудно убедить его, что он не мог не совершить этого поступка, роковым обра-

зом обусловленного всем предшествующим ходом мысли; трудно заставить его поверить, что поступок был подготовлен влиянием окружающего внешнего мира и предопределен от вечности.

Но в то же время несомненно, что все акты его воли, не связанные с чувством усилия, представляют необходимый результат тех интересных для него идей и ассоциаций между ними, интенсивность и последовательность которых были в свою очередь обусловлены строением физического тела - его мозга; мысль об общей связи мировых явлений и потребность в единстве мирового зрения также по необходимости заставляют его предполагать, что и столь незначительное явление, как степень усилия, не может не быть подчиненным всеобщему господству закона причинности. И при отсутствии усилия в волевом акте мы представляем себе возможность иной альтернативы, иного образа действия. Здесь эта возможность есть на самом деле самообман; почему же не быть ей самообманом и при всяком вообще волевом акте?

В самом деле, вопрос о свободе воли на почве чисто психологической неразрешим. После того как внимание с известной степенью усилия направлено на данную идею, мы, очевидно, не в состоянии решить, можно ли было бы сделать степень усилия большей или меньшей или нет. Чтобы решить это, мы должны выяснить, какие мотивы предшествовали волевому решению, определить с математической точностью степень интенсивности каждого из них и показать на основании законов, о которых мы не имеем в настоящее время ни малейшего понятия, что степень сделанного в данном случае усилия была единственно возможной.

Разумеется, математически точное измерение интенсивности психических или физиологических сил навсегда останется недоступным человеческому уму. Ни один психолог или физиолог не станет всерьез даже высказывать догадок о том, каким путем можно было бы добиться такой точности измерения на практике. Не имея других оснований для составления окончательного суждения об этом вопросе, мы может бы оставить его нерешенным. Но психолог не может поступить так, он может привести важные соображения в пользу детерминизма. Он участвует в построении науки, наука же есть система определенных отношений. Где мы сталкиваемся с "независимой переменной", там для науки нет места.

Таким образом, научная психология должна постольку игнорировать произвольность наших действий, поскольку они представляют "независимую переменную", и рассматривать в них лишь ту сторону, которая строго предопределена предшествующими явлениями. Другими словами, она должна иметь дело исключительно с общими законами волевых

действий, с идеями, поскольку они служат импульсами для наших действий или задерживают последние, с теми условиями, при которых может возникнуть усилие, но она не должна пытаться определять точную степень наших волевых усилий, ибо последние в случае, если воля свободна, не поддаются точному вычислению. Психология оставляет без внимания проявления свободы воли, не отрицая, безусловно, их возможности. На практике, конечно, это сводится к отрицанию свободы воли, и большинство современных психологов действительно, не колеблясь, отвергают существование свободы воли.

Что касается нас, то мы предоставим метафизикам решать вопрос о том, свободна воля или нет. Без сомнения, психология никогда не дойдет до такого совершенства, чтобы применять математически точные измерения к индивидуальным волевым актам. Она никогда не будет иметь возможности сказать заранее, до совершения действия (как в случае, когда усилие, вызвавшее его, было предопределено предшествующими явлениями, так и в случае, когда оно было отчасти произвольно), каким путем совершен данный поступок. Свободна ли воля или нет, но психология всегда останется психологией, а наука - наукой.

Итак, вопрос о свободе воли может быть в психологии оставлен без внимания. Как мы заметили выше, свобода воли, если только она существует, всецело сводится к более или менее продолжительному, более или менее интенсивному созерцанию известного представления или известной части представления. Перевес в продолжительности или интенсивности одного из мотивов, равно возможных для осуществления, и придает этому мотиву решающее значение, реализуя связанный с ним акт воли. Такое усиление или ускорение мотива может иметь огромное значение для моралиста или историка, но для психолога, рассматривающего явления с точки зрения строго детерминистской, проявления свободы воли могут быть отнесены к числу бесконечно малых.